172478

ЭТЮДЫ

о Т. Г. Шевченкѣ.

Какъ ни странно въ смыслѣ рѣзкаго противорѣчія, но выходитъ такъ, что Шевченко въ одно и то же время и извѣстенъ, и неизвѣстенъ; съ одной стороны, вокругъ его имени очень много шума, а съ другой—въ научномъ отношеніи этотъ, несомнѣнно, крупный писатель изслѣдованъ очень мало, причемъ даже лучшая его біографія написана не человѣкомъ науки, выдержаннаго метода, а литераторомъ-публицистомъ, написана, правда, съ большимъ увлеченіемъ, но безъ надлежащаго изученія произведеній поэта.

Въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ я останавливался на отдѣльныхъ произведеніяхъ Шевченка съ цѣлью литературнаго анализа. Къ прежнимъ моимъ этюдамъ добавляю теперь одинъ небольшой новый—разборъ маленькаго, въ 16 строкъ, стихотворенія «Бувае иноді старий», въ связи съ біографіей поэта, а для общаго знакомства съ его лично-

стью данъ краткій обзоръ малоизвѣстныхъ его писемъ и еще менѣе извѣстнаго дневника.

1. **Бувае, иноді старий Т. Г. Шевченка.**

Печальная черта русскаго писателя—быстрое увяданіе, преждевременная старость, ранняя кончина. Только что перевалить за тридцать лѣтъ, жить бы да жить, да работать, а вмѣсто того уже начинаетъ повѣвать холодкомъ старости и могилы.

У Пушкина устарѣніе и мысль о смерти появляются очень рано, задолго до кончины, и безъ того очень ранней, на 38 году жизни. Въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ Пушкинъ уже видѣлъ во снѣ смерть въ видѣ старца.

Тургеневъ въ письмѣ къ Віардо замѣчаетъ, что подъ сорокъ лѣтъ уже начинаетъ вѣять холодомъ могилы.

Чеховъ въ письмѣ къ Суворину говоритъ: ««Чувствую близость 40, постарѣлъ я не только тѣлесно, но и душевно. Я какъ-то глупо равнодушнѣлъ ко всему на свѣтѣ».

Шевченко на 39 году жизни писалъ: «Я сталъ совсѣмъ лысый и сѣдой». Въ воспоминаніяхъ о немъ разныхъ лицъ также отмѣчается фактъ быстраго его устарѣнія. Хотя нельзя согласиться съ крайнимъ мнѣніемъ Кулиша, что отъ Шевченка, по возвращеніи изъ ссылки, остался одинъ огарокъ таланта, но разныя лишенія, особенно перенесенныя въ ссылкѣ тяжелыя болѣзни, оставили на немъ свой слѣдъ. Уже въ первый годъ ссылки (1847 г.). Т. Г. писалъ В. Лазаревскому: «Заведу-

жав я спершу ревматизмом, тяжкий недуг, а далі спиткала мене цинга лютая, і я тепер, мов Іов на гноїщі, тільки мене никто не провідає». Оправившись отъ этихъ болѣзней, Т. Г. серьезно болѣлъ въ 1848 и 1852 г.г. Все это сильно подрывало его силы и здоровье и преждевременно старило, что отразилось и на его поэтическомъ творчествѣ. Такъ, въ 1850 г., т.-е. на 36 г. жизни, Т. Г. говоритъ въ стих. «Огні горять»: «Минула молодість моя», а черезъ десять лѣтъ въ 1860 г., этому мотиву посвящено цѣлое стихотвореніе:

Минули літа молодії...
Холодним вітром од надії
Уже повіяло. Зима!
Сиди один в холодній хаті...
Сиди... і нічогісінько не жди.

Все чаще мелькаютъ печальные мотивы старости и смерти.

Въ 1848 г., т.-е. на 35 году, Т. Г. уже считалъ себя старымъ, напримѣръ, въ стихотвореніи:

Та не дай, Господи, нікому,
Як мені тепер старому,
У неволі пропадати,
Марне літа коротати...

Или въ томъ же году, въ другомъ стихотвореніи:

Ніпов би я в Україну,
Ніпов би до дому,
Там би мене привітали,
Зраділи б старому...

Къ 1849 г. относится небольшое, прекрасное стихотвореніе:

Буває, иноді старий,
Не знає сам чого зрадіє,
Неначе стане молодий,
І заспиває, як уміє.

Т. Г. въ это время было всего 35 лѣтъ, и уже «старий»! Тутъ же даю чудное по красотѣ сравненіе:

Оттак буває, в темну яму
Святее сонечко загляне,
І в темній ямі, як на те,
Зелена травка проросте...

Но любопытнѣе всего въ этой милой и грустной исповѣди чуткаго поэта объясненіе, почему онъ «зрадів», что вызываетъ въ его душѣ чувтсво радости среди наполнившаго его жизнь «неисповѣдимаго горя».

Чого зрадивъ отце? Того,
Шо, бачете, старий подумав
Добро якесь кому зробить.
А що ж, як зробить? Добре жить
Тому, чія душа и дума
Добро навчилася любить,
Не раз такому любо стане,
Не раз барвинкомъ зацвіте.

Стоитъ вдуматься въ эти строки, чтобы увидѣть чудную по моральной красотѣ картину: человѣкъ съ геніальнымъ дарованіемъ поэта и художника живетъ въ бѣдности, въ тяжкой ссылкѣ, подъ тяжелымъ запретомъ не только писать, но и рисовать, среди неисповѣдимаго горя и всяческихъ униженій; но при первой возможности сдѣлать хотя малое добро сердце этого обездоленнаго человѣка расцвѣтаетъ, какъ барвинокъ, среди будяковъ и колючаго бурьяна азіатской пустыни.

Хорошіе люди подаютъ другъ другу руку. По поводу «Буває» можно вспомнить одно мѣсто въ прекрасной статьѣ проф. Лабуле о прогрессѣ (1869 г.).

По словамъ этого выдающагося французскаго мыслителя педагога, и сердцу старика доступна надежда, если онъ можетъ или желаетъ быть полезнымъ; если ему удастся возбудить благородный порывъ, оживить любовь къ добру, къ истинѣ, то день его не потерянъ. Жизнь всюду, и немыслимо, чтобы Богъ позволялъ уму человѣческому крѣпнуть и вдохновляться, чтобы въ зрѣлые годы погубить его. Старикъ Лабуле былъ твердо убѣжденъ, что за предѣлами этого міра существуетъ безконечный просторъ свободы, истины и любви.

Эту мысль на 20 лѣтъ предвосхитилъ и въ яркой художественной формѣ выразилъ Т. Г. Шевченко въ стихотвореніе «Буває»...

. . . . . Добре жить
Тому, чія душа и дума
Добро навчилася любить,
Не раз такому любо стане,
Не разъ барвінком заквіте...

Эти строки могъ написать только человѣкъ любящаго сердца, какимъ и былъ Т. Г., по воспоминаніямъ людей, близко его знавшихъ, наприм., по воспоминаніямъ умной и образованной Ек. Юнге, дочери президента академіи художествъ графа Ѳ. П. Толстого. По ея словамъ, Т. Г. «былъ замѣчательно ласковый, мягкій и наивно довѣрчивый въ отношеніи къ людямъ; онъ во всѣхъ находилъ что-ни-

будь хорошее и увлекался людьми, которые часто того не стоили. Самъ же онъ дѣйствовалъ, какъ-то обаятельно; всѣ любили его, не исключая прислуги»
Это воспоминаніе относится къ послѣднимъ годамъ жизни поэта, и тогда его сердце было чутко къ добру и радовалось при малѣйшемъ его проявленіи.

2. Дневникъ Шевченка.

«Дневникъ» Шевченка, написанный на русскомъ языкѣ,—цѣнный памятникъ во многихъ отношеніяхъ. Изданъ онъ впервые въ отрывкахъ въ журналѣ «Основа» 1861 г., потомъ хотя и переиздавался, также съ пропусками, но очень рѣдко и очень скверно, съ грубыми опечатками (наприм., въ изданіи Яковенка) и потому публикѣ остается почти неизвѣстнымъ.

Дневникъ для печати не предназначался. Шевченко велъ его отъ скуки въ теченіе года, съ 12 іюня 1857 г. по 13 іюля 1858 г., къ концу съ ослабѣвшимъ усердіемъ, затѣмъ бросилъ и рукопись подарилъ своему другу М. М. Лазаревскому, который и сберегъ ее для печати. Дневникъ заключаетъ и цѣнныя біографическія данныя за 1857—1858 годы, и немногія, но въ высшей степени любопытныя воспоминанія поэта о своей молодости. Дневникъ, большой, въ печати занимаетъ двѣсти страницъ. При первомъ его изданіи въ «Основѣ» редакціей было уже отмѣчено, что

---

[1]) Вѣст. Евр. 1883, VIII, 836.

«изъ дневника видно, сколько дѣтской искренности и мужественнаго самосознанія и сколько человѣчности было въ чистомъ сердцѣ Т. Г.».

Дневникъ отличается необыкновенной откровенностью. Всѣ недостатки и слабости Т. Г. ярко выступаютъ подъ его собственнымъ перомъ; нѣтъ ни малѣйшей рисовки.

Извѣстно, что образованіе Ш. было скудное, чтеніе случайное, со многими недочетами, писалъ онъ съ большими орѳографическими ошибками, и при всемъ томъ «Дневникъ» ясно говоритъ о большомъ умѣ, тонкой наблюдательности и широкихъ культурныхъ интересахъ.

Такъ, коснувшись мимоходомъ искусства, онъ говоритъ:

«Свободный художникъ настолько не ограниченъ окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вѣчными, неизмѣнными законами», и попутно мимоходомъ бросаетъ остроумныя замѣчанія объ отдѣльныхъ памятникахъ искусства и отдѣльныхъ художникахъ, тонкія, вѣрныя, напримѣръ, въ очень сочувственныхъ отзывахъ о Брюлловѣ, и, напротивъ, несочувственныхъ о Бруни и Зарянкѣ, мелькомъ высказываетъ осужденіе плана московскаго храма Христа Спасителя, какъ огромной квадратной ступы, или въ другомъ мѣстѣ,—«точно толстая купчиха въ золотомъ повойникѣ остановилась напоказъ среди Бѣлокаменной».

Наряду съ искусствомъ, Шевченко имѣлъ большую наклонность къ археологіи и къ исторіи. Въ Астрахани, въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ осматривалъ церкви, разыски-

валъ описанія ихъ, отмѣтилъ сохранившіеся памятники старины. «Я люблю археологію, говоритъ Т. Г. въ одномъ мѣстѣ «Дневника»: я уважаю людей, посвятившихъ себя этой таинственной матери исторіи; я вполнѣ сознаю пользу раскопокъ»..

Но, прочитавъ въ «Русск. Вѣст.» извѣстіе, что раскопкѣ подверглась славная по народнымъ пѣснямъ Савуръ-Могила, Т. Г. записалъ въ Дневникѣ: «Лучше бы не раскапывали нашей славной Савуръ-Могилы...

Странная привязанность къ безмолвнымъ, ничего не говорящимъ курганамъ. Весь день все пѣлъ: «У степу мотила з вітромъ говорила»... Такъ боролся въ душѣ Шевченка археологъ съ поэтомъ.

Въ городскомъ общественномъ отношеніи у Шевченка былъ проницательный взглядъ. Такъ, удивляясь загрязненности Астрахани, онъ говоритъ: «Гдѣ причина нищеты и отвратительной грязи? Въ армяно-татарско-калмыцкомъ населеніи или въ другой какой политико-экономической причинѣ? Послѣднее вѣроятнѣе, потому что и другіе наши губернскіе города ничѣмъ не уступаютъ Астрахани». Сразу нащупалъ корень зла и опредѣлилъ вѣрно на почвѣ сравненія.

Интересно одно мѣсто въ «Дневникѣ», гдѣ авторъ недоумѣваетъ по поводу своего призванія къ поэзіи, какъ явленія для него самого «страннаго» и «всемогущаго»: «Обучаясь въ академіи художествъ, я хорошо зналъ,—говоритъ онъ,—что живопись—моя будущая профессія, мой на-

сущный хлѣбъ, и вмѣсто того, чтобы изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, каковъ былъ безсмертный Брюлловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто гроша не заплатилъ, и которые, наконецъ, лишили меня свободы. и которые, несмотря на всемогущее запрещеніе, я все таки втихомолку кропаю и даже подумываю иногда о тисненіи этихъ плаксивыхъ дѣтей своихъ».

«Дневникъ» пріоткрываетъ одну интересную сторону въ личномъ характерѣ Шевченка, именно его стремленіе ввести въ широкіе слои свѣтъ знанія, искусство, науку, стремленіе человѣка интеллигентнаго, желавшаго работать на нивѣ народнаго просвѣщенія. Лишь только онъ выбрался изъ гиблыхъ мѣстъ Закаспійскаго края, какъ задался цѣлью заняться гравюрой по слѣдующему соображенію: «Быть хорошимъ граверомъ, значитъ—быть распространителемъ прекраснаго и поучительнаго въ обществѣ, значитъ—быть полезнымъ людямъ и угоднымъ Богу. Прекрасное, благородное призваніе гравера! Сколько изящныхъ произведеній, доступныхъ только богачамъ, копилось бы въ мрачныхъ галлереяхъ безъ чудотворнаго рѣзца».

Намѣреваясь популяризовать искусство путемъ гравюры, Т. Г. попутно проявляетъ и личное творчество; онъ хотѣлъ выпустить «и собственное чадо», притчу о блудномъ сынѣ, приноровленную къ нравамъ современнаго ему купечества для осужденія его грубости; но свою работу онъ не считалъ удовлетворительной и собирался «посовѣтоваться съ людьми свѣдущими».

По Кобзарю можно доказать расположеніе Шевченка къ Пушкину и особенно къ Лермонтову. Дневникъ значительно расширяетъ кругъ его литературныхъ интересовъ и его симпатій къ многимъ писателямъ—С. Т. Аксакову, о которомъ онъ отзывается съ большимъ уваженіемъ, Хомякову и Тютчеву, стихотворенія которыхъ переписывалъ («Эти бѣдныя селенья» Тютчева онъ, оказывается, прочелъ «съ наслажденіемъ»), къ Салтыкову, котораго онъ мѣтко называетъ геніальнымъ ученикомъ Гоголя, и въ особенности къ Герцену, котораго многократно называетъ апостоломъ.

Дневникъ пересыпанъ любопытными эпизодами, напр., какъ Ш. въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтобы избѣжать административной высылки по недостатку документа (запоздалъ отпускъ), притворился больнымъ; его навѣщалъ полиціймейстеръ Кудлай; они подружили и стали большими пріятелями,—или еще болѣе курьезный эпизодъ—«смѣшное приключеніе», по словамъ Ш., какъ онъ къ 1848 г. невольно разыгралъ роль раскольничьяго попа. Послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю онъ, въ положеніи нижняго чина, сталъ на зимовку на островѣ Косъ-Аралѣ, гдѣ гарнизонъ занимали уральскіе казаки, завзятые раскольники. Увидѣвъ Ш. съ широкою, какъ лопата, бородою, они тотчасъ смекнули, что это бѣглый попъ, мученикъ за вѣру, и донесли своему командиру, эсаулу Черторогову, а тотъ, не долго думая, зазвалъ мнимаго мученика въ камышъ—и бацъ передъ нимъ на колѣни. «Благословите», отворитъ, «батюш-

ка». А Т. Г. смекнулъ также, въ чемъ дѣло, и хватилъ самымъ раскольничьимъ крестнымъ знаменіемъ. Восхищенный эсаулъ облобызалъ ему руку и вечеромъ задалъ ему такую пирушку, какая ему и во снѣ не грезилась. Перешли на стоянку въ Раимъ, и снова та же исторія, но уже съ отряднымъ начальникомъ, полковникомъ Марковымъ, который, испросивъ благословеніе, предложилъ ему 25 руб. и просилъ, чтобы Т. Г. позволилъ ему отговѣться по секрету въ кибиткѣ и, какъ добрый пастырь, пріобщилъ его Св. Таинъ. Ш. сообразилъ, что эти благословенія до добра не доведутъ, отказался отъ денегъ, поспѣшилъ оставить Раимъ и сбрилъ себѣ бороду. Благочестивые уральцы не нашли въ немъ сочувствія, и онъ называетъ ихъ грубыми и невѣжественными дикарями.

Дневникъ Ш. написанъ просто, живо, увлекательно и, какъ литературный памятникъ, занимаетъ видное мѣсто среди дневниковъ, можетъ быть поставленъ рядомъ съ лучшими дневниками XIX ст. Никитенка, Татьяны Пассекъ и др. т. п.

3. Т. Г. Шевченко въ своихъ письмахъ.

Въ частныхъ письмахъ отражается личность человѣка, личность писателя, уровень умственнаго развитія, складъ характера, наклонности, вкусы, главное, нѣчто, трудное поддающееся опредѣленію, что составляетъ личное начало.

Письма Пушкина кратки, просты, искренни, откровенны, душа на-распашку, хорошее свѣтлое сердце, оптимистъ, доброжелатель.

Содержательныя и остроумныя письма Лермонтова малочисленны (всего 39 №№),

пересыпаны хорошими стихами, отражаютъ бурную, тоскующую душу автора.

Письма Гоголя, длинныя и хитроумныя, съ частыми жалобами, въ общемъ—что-то болѣзненное, самолюбивое и неискреннее.

Письма Достоевскаго— длинныя, тягучія, недобрыя, завистливыя, съ вѣчными жалобами, тяжелыя и непріятныя письма.

Письма Тургенева—изящныя, содержательныя, съ художественными образами, написаны красиво, съ остроуміемъ и тонкой наблюдательностью.

Письма Чехова по своему характеру напоминаютъ пушкинскія; они также просты, правдивы и искренни.

Письма Л. Толстого однотонны и холодны, несмотря на то, что въ нихъ все говорится о любви и душѣ, письма дидактическія и скучныя.

Письма Чернышевскаго также слишкомъ разсудочны и скучны,—письма незлобиваго, мягкаго человѣка, смотрѣвшаго на все съ «ученой точки» зрѣнія.

Въ количественномъ отношеніи издано много писемъ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Л. Толстого, Чернышевскаго (3 тома), Чехова (4 тома).

Письма Шевченка по складу и характеру болѣе всего походятъ на письма Пушкина и Чехова, простыя, искреннія и правдивыя. Для біографіи поэта они драгоцѣнный матеріалъ. По количеству ихъ немного, всего 157 писемъ, судя по изданію Яковенка, 1911 г.

Письма Т. Г. обнимаютъ время съ 1839 по 1861 г., одни на русскомъ, другія—на малорусскомъ языкѣ, адресованы 44 ли-

цамъ, большей частью В. Г. и М. М. Лазаревскимъ, Залѣсскому, Кухаренку и Лизогубу. Большая часть написана въ ссылкѣ, съ 1847 по 1857 г. Послѣднія письма въ январѣ и февралѣ 1861 г. говорятъ о тяжкой болѣзни; въ этихъ письмахъ больной, умиравшій человѣкъ хлопоталъ объ изданіи для народа букваря и ариѳметики, о томъ, чтобы пристроить на службу какого-то бѣдняка.

Въ виду того, что письма Ш. очень мало извѣстны, сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій для характеристики личности поэта.

Любовь къ природѣ обнаруживается въ частыхъ и теплыхъ замѣчаніяхъ о вербахъ, росшихъ въ Петровскомъ укрѣпленіи въ солдатскомъ огородѣ. Въ письмѣ къ Осипову 1855 г. Т. Г. говоритъ: «Вы хотите знать о моемъ житьѣ-бытьѣ. Вотъ вамъ одинъ эпизодъ, и, замѣтьте, отраднѣйшій. Въ 1850 г., когда меня препроводили изъ Орской крѣпости въ Новопетровское укрѣпленіе, я въ Гурьевѣ-городкѣ на улицѣ поднялъ свѣжую вербовую палку, привезъ ее съ собою, воткнулъ въ гарнизонномъ огородѣ; весною огородникъ сказалъ, что моя палка растетъ; я ну ее поливать, а она расти, и въ настоящее время она будетъ вершковъ шесть толщины въ діаметрѣ и сажени три вышины, молодая и роскошная; правда, я на нее и воды не мало вылилъ; зато теперь въ свободное время и съ позволенія фельдфебеля жуирую себѣ въ ея густой тѣни. Нынѣшнимъ лѣтомъ думаю нарисовать ее, разумѣется, втихомолку».

Любовь къ природѣ у Шевченка сливается съ любовью къ красотѣ, съ «восторгомъ», какъ видно по другому, бо-

лѣе позднему его письму къ Залѣсскому (1857 т.): «Безъ разумнаго пониманія красоты человѣку не увидѣть всемогущаго Бога въ мелкомъ листочкѣ малѣйшаго растенія. Ботаникѣ и зоологіи необходимъ восторгъ, а восторгъ этотъ пріобрѣтается только глубокимъ пониманіемъ красоты, безконечности, симметріи и гармоніи въ природѣ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось теперь поговорить съ тобой о Космосѣ». Шевченко имѣетъ въ виду знаменитый «Космосъ» А. Гумбольдта.

Уваженіе къ женщинѣ обнаруживается неоднократно, напр., въ письмѣ къ Залѣсскому (1854 г.): «Какое чудное, дивное созданіе—непорочная женщина. Это самый блестящій перлъ въ вѣнцѣ созданія». Хотя, судя по Дневнику, Шевченку въ его положеніи бездомнаго холостяка приходилось иногда вращаться среди женщинъ низшаго разбора, но онъ неизмѣнно хранилъ идеалъ хорошей женщины, что отразилось въ его поэзіи и въ Дневникѣ.

Любовь къ дѣтямъ, какъ извѣстно, проникаетъ поэзію Шевченка. Объ этой чертѣ Ш. говорится въ воспоминаніяхъ Юнге, Крашевиной и мн. др. Яркое подтвержденіе находится въ письмѣ Т. Г. къ Козачковскому (1853 г.). Козачковскій былъ очень огорченъ кончиной своего ребенка и писалъ о томъ Т. Г., а послѣдній въ своемъ отвѣтѣ утѣшаетъ друга и, между прочимъ, сообщаетъ ему о такомъ лично для него горестномъ случаѣ: «Недавно прибывшій къ намъ комендантъ привезъ съ собою жену и одно дитя по третьему году, милое, прекрасное дитя. Я полюбилъ его, а оно, бѣдное, такъ привязалось ко мнѣ, что, было, и во снѣ звало къ себѣ

лысаго дядю (я теперь совершенно лысый и сѣдой). И что же? Оно, бѣдное, захворало, долго томилось и умерло. Мнѣ жаль моего маленькаго друга; я тоскую; я иногда приношу цвѣты на его раннюю могилу и плачу».

Любовь къ искусству красной нитью проходитъ черезъ многія письма поэта. Искусство Т. Г. ставилъ выше природы. «Истинно изящное произведеніе, говоритъ Т. Г., на художника, вообще, на человѣка дѣйствуетъ сильнѣе, нежели самая природа. Онъ любилъ свою дорогую alma mater,—академію художествъ, и нѣсколько разъ называетъ ее «милой»; любилъ своего даровитаго учителя Брюллова, котораго называетъ великимъ.

Любовь къ свободѣ въ связи съ сознаніемъ личнаго человѣческаго достоинства. Въ письмѣ 1839 г.: «Великое счастье быть свободнымъ». Въ письмѣ 1852 г. къ проф. О. М. Бодянскому: «Въ моей прошлой жизни не много было радостей, по крайней мѣрѣ, всетаки немного было похоже на свободу, а одна тѣнь свободы возвышаетъ человѣка».

Любовь къ родному украинскому языку нашла яркое отраженіе и въ письмахъ Шевченка. Въ письмѣ 1839 г. къ Н. Г. Шевченку: «Будь ласков, пиши до мене по нашему... Нехай же я хоч через папір почую рідне слово, бо мені тут (въ Петербургѣ) так скучно, що я всяку нич тілько и бачу во сні, що тебе, Керелівку, та рідню, та бурьяни, що колись ховавси од школи»... Въ 1856 г. Т. Г. сердечно благодарилъ Сѣраковскаго за его «сердечное, украинское слово».

Любовь къ русской литературѣ можетъ быть подтверждена не только стихами, дневникомъ, но и письмами Шевченка. Онъ приводитъ стихи Пушкина въ подкрѣпленіе своей мысли, Лермонтова называетъ великимъ, проситъ выслать ему сочиненія Л. Толстого.

Любовь къ природѣ, къ искусству, къ людямъ была въ душѣ Т. Г. цѣннымъ капиталомъ. Она сыграла огромную роль въ его личной жизни и въ творчествѣ. Въ литературномъ отношеніи на почвѣ широкой любви къ людямъ выросло много чудныхъ по красотѣ произведеній. Въ личномъ отношеніи проникавшее сердце Т. Г. чувство любви къ жизни и къ искусству поддерживало въ немъ въ горькія минуты бодрость духа. Въ 1857 г., —послѣдній годъ ссылки,—Т. Г. записалъ въ своемъ дневникѣ: «Надежда... убаюкиваетъ мой умъ волшебными сказками... что я буду въ Петербургѣ, увижу милыя моему сердцу лица; увижу мою прекрасную академію, Эрмитажъ, услышу волшебницу оперу»...

Проф. К. Ф. Сумцовъ.

Отдѣльные оттиски изъ газ. «Южный Край». № 11.913.

Харьковъ. Тип. Т—ва А. А. Іозефовича—«Южный Край».